
НАХОДКА КОСТЯНОГО ФУТЛЯРА В КУРГАНЕ ТАСМОЛИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ (ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КАЗАХСТАН)¹

Арман Бейсенов, Гульнара Джумабекова
Галия Базарбаева, Данияр Дуйсенбай

Ключевые слова: Центральный Казахстан, тасмолинская культура, саки, футляр, зоо-морфный декор.

Тасмолинская археологическая культура сакского времени долгое время была известна по работам М.К. Кадырбаева, исследовавшего многочисленные курганные захоронения в Центральном Казахстане в 1950-1960-х гг. (Кадырбаев 1966; Кадырбаев 1968). В плане новых исследований по данной теме особенно важными являются результаты работ последних 15 лет, когда в ходе раскопок на территории Центрального Казахстана были получены данные из разных памятников. Сюда могут быть отнесены материалы по курганным захоронениям, околочурганым объектам, поселениям, каменным изваяниям, а также предметным комплексам². В евразийской археологии для раннесакской эпохи (VIII - первая половина VI вв. до н.э.) приняты термины «тасмолинская культура», «улубай-тасмолинская культура», «бобров-тасмолинская культура». Ареал названных культур охватывает Центральный и Северный Казахстан, степи Южного Зауралья. Племена Центрального Казахстана были ядром большой тасмолинской историко-культурной общности, наибольший ареал которой был характерен для раннесакской эпохи³. По современным археологиче-

ским материалам и данным радиоуглеродных анализов (Бейсенов 2015б; Weisenov et al. 2016) дата основной массы памятников тасмолинской культуры находится в рамках периода VIII-V вв. до н.э. Согласно данным изучения памятников, открытых к сегодняшнему дню, эта культура, сложившаяся в степях Центрального Казахстана в VIII в. до н.э., характеризуется как культура степного населения, в экономике которого, по-видимому, преобладало хорошо адаптированное к экологии Казахского мелкосопочника скотоводческое, кочевое направление с дисперсным типом хозяйствования. В погребально-поминальной обрядности, в особенностях предметных комплексов прослеживаются весьма близкие параллели с раннесакскими сообществами всего Казахстана, Саяно-Алтая, которые объясняются тесными этнокультурными связями, а также и общностью происхождения. Первооткрыватель тасмолинской культуры М.К. Кадырбаев еще полвека тому назад подчеркивал, что ядром сакской общности являлись племена Казахстана и Алтая (Кадырбаев 1966).

Интересная находка, о которой пойдет речь, была сделана в кургане 7 могильника Байке-2, исследованного под руководством А.З. Бейсенова в полевом сезоне 2015 г. Этот могильник находится на территории Каркаралинского района Карагандинской области, в 14 км к юго-востоку от с. Нуркен, в горной местности Каракуыс (рис. 1). В его составе – 13 курганов, насыпи которых содержат следы интенсивной выборки камней, и восемь округло-овальных жертвенных выкладок (рис. 2). Курган 7 представляет собой комплекс с каменными грядами. Курган 7 – это основное погребальное сооружение, с восточной стороны к нему примыкает курган-спутник – 7а, от которого в свою очередь на юго-восток отходят две плохо сохранившихся гряды («уса»).

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (проект 2982/ГФ4 «Сарыарка в системе культур раннего железного века степной Евразии»).

² С имеющимися некоторыми данными можно ознакомиться по следующим публикациям: Бейсенов 2014а; Бейсенов 2014б; Бейсенов 2015а; Бейсенов 2015б; Бейсенов, Базарбаева 2013; Бейсенов, Джумабекова, Базарбаева 2011; Бейсенов, Джумабекова, Базарбаева 2015; Бейсенов, Ермоленко 2014; Бейсенов и др. 2015; Бейсенов, Китов 2014; Бейсенов и др. 2011; Beisenov 2013; Weisenov 2015а; Weisenov 2015б; Weisenov et al. 2016.

³ Обобщающие сведения приведены в таких публикациях, как: Хабдулина 1994; Таиров 2007; Бейсенов 2015б, 11-12.

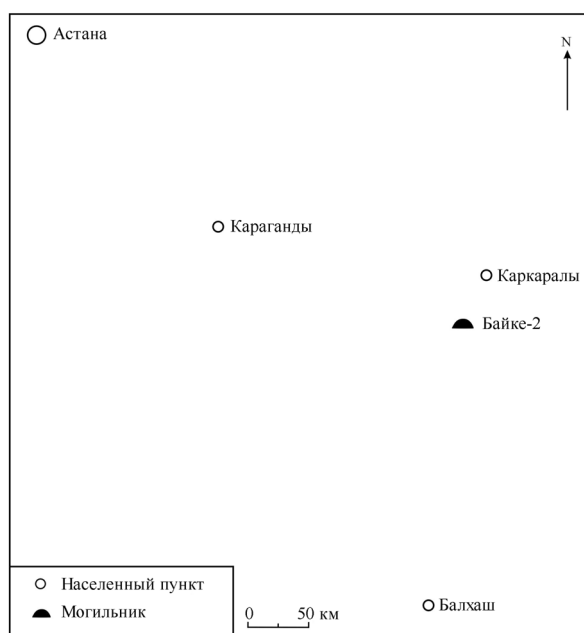

Рис. 1. Локализация памятника Байке-2 относительно населенных пунктов Астана, Караганды, Каркаралы, Балхаш (исполнитель Д. Дуйсенбай).

В кургане 7а находки отсутствовали, а в кургане 7 (параметры сохранившейся части насыпи: диаметр 12,5 м, высота – 0,35 м) вскрыто ограбленное захоронение. На дне грунтовой могилы (глубина 1,7 м) расчищена часть скелета человека, уложенного вытянуто, на спине и головой на запад. В области шеи и грудной клетки найдены: жертвенник, изготовленный из песчаника, зеркало с ручкой, две пастовые ворворки. Предмет, анализу которого посвящена предлагаемая статья, найден в заполнении могильной ямы, в районе костей левой кисти, на 0,2 м выше ее дна (рис. 3-5).

Описание футляра из Байке-2. Из фрагмента трубчатой кости искусно выполнен футляр, предназначенный для хранения игл (?). Его размеры: высота – 83 мм, диаметр в основании – 48×39 мм, диаметр в верхней части – 43×32 мм. Видимо, для крепления дна и крышки с противоположных сторон по длине окружности выполнено по два сквозных отверстия. Диаметр отверстий в основании – около 2 мм; в верхней, более зауженной, части предмета отверстия крупнее – диаметром 3,5 мм. Толщина стенок футляра – около 2 мм. Поверхность футляра, видимо, была окрашена (?). Большая часть предмета зеленого цвета, в

углублениях – красного. Поверхность изделия декорирована многофигурной композицией, состоящей из изображений животных. Анализируемый предмет представляет собой шедевр древнего искусства. Изображения выполнены в технике художественной резьбы по кости.

По-видимому, центральным элементом сюжета является сцена терзания тремя хищниками сайгака (рис. 3). Изображение травоядного животного лаконично вписано в срединную часть предмета. Жертва показана с обращенной вправо головой и туловищем, вывернутым на 180°. Грაციозное, изящное животное передано с вытянутыми вперед и назад ногами, которые показаны как бы на цыпочках. У сайгака показана типичная горбоносая морда со слегка приоткрытым ртом, круглый глаз, подокруглое ухо, вытянутый вверх и слегка изогнутый рог, короткий хвост. На холке отмечен подтреугольный выступ.

По направлению к жертве устремлены фигуры трёх животных. По размеру нападающие звери различаются в порядке убывания: большой, средний и маленький. Наиболее алчным показан самый крупный хищник. Причем среди всех персонажей многофигурной композиции, размещенной на изделии, он является единственным плотоядным, имеющим такие размеры. У хищника большая голова с оскаленной, алчущей пастью, которая вот-вот вцепится в изящную, вдвое меньшую по размерам голову сайгака. Оскал зверя направлен к нижней челюсти жертвы. Параллельно верхней линии пасти прослеживается любопытная деталь – бороздка, продолжающаяся на $\frac{3}{4}$ её длины. Такое оформление пасти больше похоже на передачу содержательных элементов клювов хищных птиц. Глаз плотоядного зверя круглый. Ухо в виде перевернутой вытянутой капли, острием обращенной к подбородку. У животного мощные грудь и загривок. Хвост длинный, S-образный, завершается кисточкой (?). Лапы большие, подобраны под брюхо. Зверь показан как бы застывшим в прыжке. На лапах очень тонкими линиями показано по два выпущенных длинных, крючкообразно загнутых когтя. На лапах проработаны выпуклости, возможно, обозначающие подушечки (?). Талия – тонкая.

Жертва мордой упирается в подбородок терзателю и, наоборот, пасть хищника устремлена к

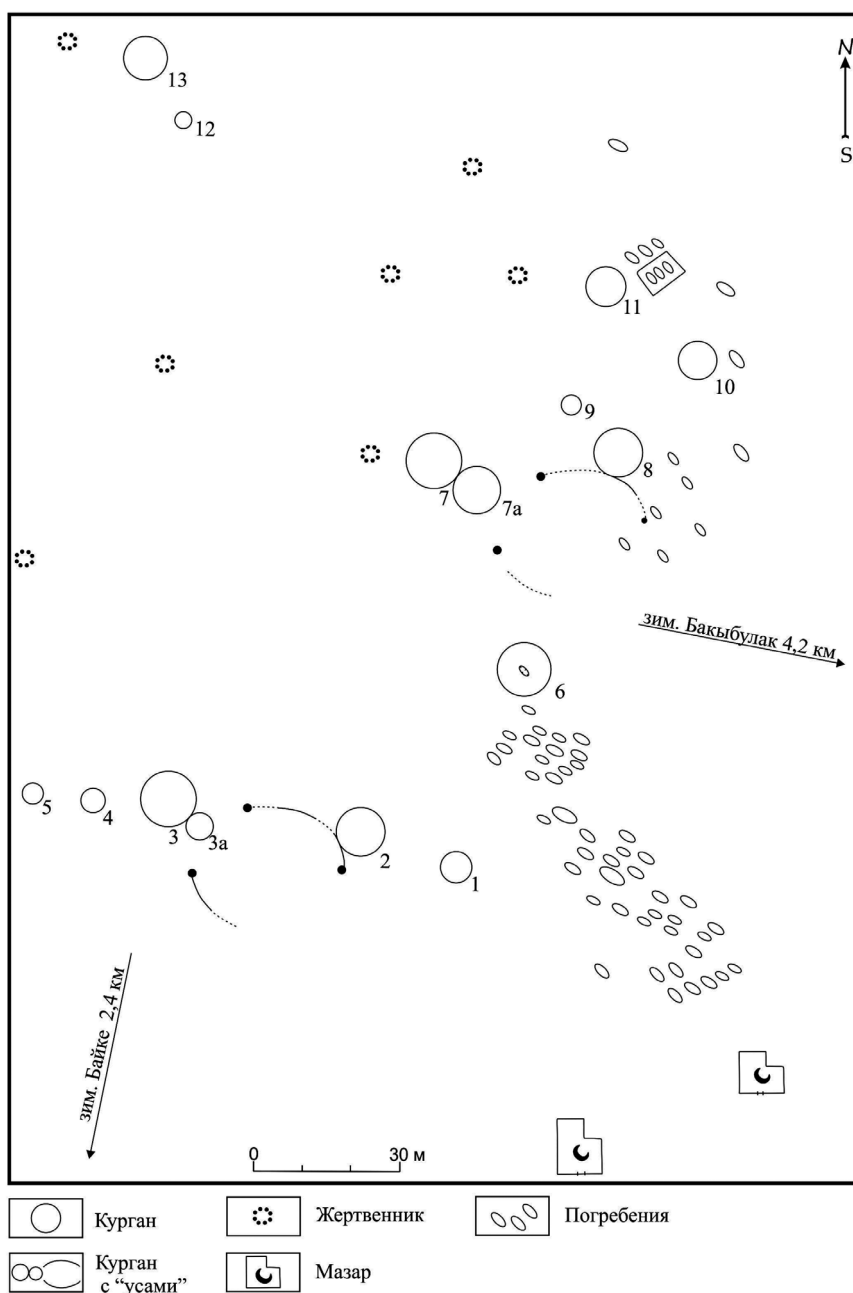

Рис. 2. Могильник Байке-2. Ситуационный план памятника (по Бейсенов, Дуйсенбай 2015).

подбородку сайгака. Таким образом, расположение морд животных напоминает знак «инь и янь», обращенных друг к другу элементов – явления широко распространенного в искусстве кочевников раннего железного века, встречающегося в вихревых композициях, спиралевидных орнаментах, знаках, располагающихся на круппе и лопатке.

Фигура животного средних размеров проработана чёткими, уверенными линиями. У зверя

тонкая талия, трехпалые лапы с длинными, крючкообразно загнутыми когтями, длинный хвост, который в данном случае завершается не кисточкой, а колечком. У хищника небольшая голова, мощный загривок и широкая грудь. Абрис пасти, направленной к глазу сайгака, больше напоминает ротовое отверстие сомкнутых клювов хищных птиц. Глаз и ухо плотоядного трактованы также, как у зверя, описанного выше.

Рис. 3. Футляр из могильника Байке-2. На переднем плане центральная композиция, образованная из изображения сайгака и трех хищников (фото Д. Дуйсенбай).

Рис. 4. Футляр из могильника Байке-2. Слева изображение оленухи, справа – зайца (?), посередине – вихревой знак (фото Д. Дуйсенбай).

Рис. 5. Футляр из могильника Байке-2 (фото Д. Дуйсенбай).

В пространство между передней ногой сайгака и головой крупного хищника вписано изображение зверька, сильно отличающегося от первых двух. Пастью животное устремлено к шее жертвы. Абрис приоткрытой пасти – полукруглый. Четкими линиями показан контур головы. У зверя тонкая талия, тонкий длинный хвост, тонкие короткие лапы, на которых показано по четыре длинных тонких когтя. Про-

работка лап больше напоминает руки. На макушке показан короткий, приостренный, отогнутый назад хохолок (?). Определить четкую видовую принадлежность животного сложно.

Рассмотрим остальные изображения относительно центральной фигуры, какой является классический обитатель степных просторов – сайгак.

Над сайгаком размещены изображения двух тонких животных, аналогичных зверьку из центральной композиции. Обе фигуры зверя выполнены условно, без детализации глаз, пастей, ушей. Животные обращены друг к другу ногами. По размерам они сильно различаются. Зверь, показанный непосредственно над сайгаком, мелкий. Линия его хребта параллельна хребту сайгака. Его размеры настолько малы, что древний мастер вписал его в пространство между рогом и бедром сайгака. У зверя тонкий длинный хвост, лапы с выпущенными когтями (на передней лапе – три когтя, на задней прослеживается только два). Практически вся линия туловища второго животного от головы до талии параллельна вытянутой ноге сайгака. У обоих зверей тонкие талии. На лапах второго зверя четко проработано по три выпущенных когтя.

Над рогом антилопы, в пространство между двумя когтистыми хищниками – средним по размерам хищником из центральной композиции и тонким, большим по размерам, только что описанным зверьком – вписано изображение головы травоядного животного. Зверь показан с сомкнутой пастью. У него длинное, слегка изогнутое, близкое по форме к листовидному, ухо. Параллельно линии морды, над глазом, расположен некий отросток (?). Плотные прилегающие к подбородку травоядного выпущенные, крючкообразно загнутые когти хищника одновременно воспринимаются как его борода.

Слева от задней вытянутой ноги сайгака расположено парное изображение двух оленей с клювовидными мордами. Оба животных показаны стоящими на цыпочках. Четкими тонкими линиями проработаны глаза, длинные, чуть изогнутые листовидные уши, изящные, грациозно изогнутые шеи, подтреугольные выступы на холках, коротенькие хвосты. Безрогое травоядное показано с обращенной

влево головой. Оно изящное. Выглядит вдвое меньшим по сравнению с изображением оленя. Крупное животное показано плотно прилегающим мордой к крупу безрогого зверя. У него миндалевидный глаз и мощная корона рога. Непосредственно надо лбом нависает длинный крючкообразно загнутый так называемый ледяной отросток рога. Линия роскошного рога параллельна линии туловища красивого животного. Поскольку сохранность предмета страдает именно на этом участке, то подсчитать точное количество отростков рога затруднительно. Уверенно прослеживается четыре, возможно, их было пять.

В пространстве между крупом сайгака и передней ногой оленя с роскошной кроной размещен вихревой знак. По направлению к центру завитка углубленными бороздками проработаны линии. Сверху – три и снизу – четыре.

По направлению к данному завитку, в пространстве между передней ногой сайгака и завитком вписано изображение хищника. У него мощный загривок и тонкая талия, длинный хвост. В оскаленной пасти показаны (?) клыки. Лапы переданы четырехпальными, с длинными выпущенными когтями. Глаз круглый, ухо ложечковидное.

По направлению к завитку показан еще один зверь. Он изображен у задних лап только что описанного хищника. Это маленький зверек с длинными ушами, коротким хвостиком. У него маленькая голова, круглый глаз. Лапы трехпалые.

В противоположной от зверька стороне расположена вереница из трех травоядных животных. Звери показаны с подогнутыми под брюхо ногами. У них короткие хвостики. Животное, которое находится первым от завитка, показано с подтреугольным выступом на холке. У него ровный круто загнутый рог. Интересна проработка уха. Оно по форме больше напоминает каплю (?). Изображение животного, расположенного посередине, видимо, неполное – незавершенное, либо плохо сохранившееся. Оно без головы. Третье животное расположилось таким образом, что занимает поверхность над самым крупным хищником из центральной композиции. Морда животного клювовидная, рог ровный, круто загнутый, глаз круглый. К этому животному обращен

рогатый зверь миниатюрных размеров. У него миндалевидный глаз, листовидное (?) ухо, ровный, круто загнутый назад рог, короткий хвост. Примечательно то, что подогнутые под брюхо ноги лаконично переданы одной изогнутой линией. Линия, обозначающая передние, явно подогнутые ноги, плавно перетекает в абрис задних.

Особенный характер многофигурной сцене придает изображение разъяренного кабана. Оскалившееся животное с торчащими клыками показано в пространстве под передней лапой самого крупного хищника из центральной композиции. У животного показаны ноги с копытами и то же время выгнутая спина и тонкая талия. В изображении кабана четкими линиями обозначен мощный загривок, проработаны суставы на нижних конечностях. Обращает на себя внимание тонкая талия.

Таким образом, на игольнике расположено 16 животных и вихревой знак (рис. 3-5). Из озвученного количества животных лишь одно показано сокращенно – в виде головы, все остальные – целые фигуры. К числу травоядных отнесено девять животных – сайгак, олень, кабан, одно безрогое животное с длинным листовидным ухом, три зверя с ровными, круто загнутыми назад рогами, копытное без головы, неопределимое травоядное животное.

В многофигурной композиции присутствует изображение шести хищников. Они все разные. Отличие проявляется в трактовке ушей, хвостов и лап. Классическая передача содержательных элементов, характерных для хищников, проявляется всего лишь один раз – в трактовке зверя с ложечковидным ухом. Более всего поражают изображения так называемых «тонких» хищников, показанные схематично, без детализации органов слуха и зрения.

Изображение одного из животных с определенной долей сомнения можно атрибутировать как зайца (?) (рис. 4; 5).

Вихревой знак (рис. 4; 5), являющийся еще одним элементом композиции, возможно, по имеющимся аналогиям в декоре предметов из памятников тасмолинской культуры является знаком присутствия орла. Например, декор уздечного набора из кургана 19 могильника Тасмола-1 (Кадырбаев 1966).

Относительно традиции изображать рога. Как правило, рога носят самцы оленей. Исключение составляет северный олень, когда рога носят оба пола. У сайгаков рога только у самцов. Самки горных козлов носят тонкие изящные рога, у самцов рога обычно мощные. У горных баранов рога круто закручены в спираль. Самки горных баранов носят рога за редким исключением.

По мнению археозоолога к. б. н. П.А. Косинцева: «В пределах Центрального Казахстана с рогами может быть: олень благородный, лось, сайгак, козел и баран. У горного козла рога имеют самки, у самцов рога значительно длиннее головы, а у самок обычно не длиннее головы. У горного барана самки тоже имеют рога, но не все. Есть самки и без рогов. Размеры рогов как у козлов»⁴.

В изобразительной традиции рога горных козлов чаще всего трактуются с бугорками, имеющими полукольца, обозначающими валики на рогах. Хотя встречаются изображения с ровным краем рога. Видимо, по крутизне рога можно определить, кто изображен – горный козел или горный баран. Поскольку на рассматриваемых изображениях рога показаны по-разному, то, видимо, они передают различных животных. Так, в двух случаях линия рога имеет крутой изгиб, но он не заканчивается спиралевидным завитком. Позволим допустить, что это изображения горных козлов. У одного травоядного, завершающего вереницу из трех животных, рог образует практически кольцо. Видимо, его и можно атрибутировать как изображение горного барана. Обращает на себя внимание, что возле более крупного животного расположена фигурка более мелкого. Так, рядом с оленем присутствует изящное изображение безрогого животного, с обернувшейся назад головой. Рядом с горным козлом, по-видимому, показана самка, поскольку она меньших размеров. Если принять, что могли быть показанными детеныши зверей, то у ягнят горных козлов рожек либо нет, либо они маленькие. Видимо, в двух случаях показан олень с оленухой и горный козел с самкой.

Среди всей композиции выделяется еще одна пара животных из тех самых «тонких» хищни-

ков, которые также различаются по размерам, но, также как в случае с вышеописанными парами, образуют композицию. Они показаны обращенными друг к другу ногами. В случае с горными козлами они показаны противопоставлено. Олени также показаны обращенными друг к другу.

Анализ стиля изображений и художественных приемов. Относительно стиля изображений и художественных приемов можно сказать следующее. Изображения хищников выполнены с помощью художественных приемов, присущих раннескифским/раннесакским образам. К ним относится сама поза скребущего хищника, обозначение глаз, раскрытой пасти и ноздрей кружками, кольчатость лап и окончания хвоста. На футляре некоторым образом трактовка хищников соотносится с изображениями хищников «хэланышаньского типа» (Богданов 2006, табл. LXXVI): большие округлые глаза с выделенным зрачком, вытянутые вперед ноги с выделенными отдельно длинными когтями, подчеркнута разинутая пасть. Но там показана также фактура или тип шерсти, возможно, подчеркивающая вид животного (тигр, барс). Хвост опущен вниз. Его кончик оформлен по-разному.

Параллели кошачьим хищникам прослеживаются в материалах могильника Южный Тагискен в Приаралье. Отличие состоит в том, что ноги у приаральских хищников сильнее подогнуты под туловище. Голова животного опущена вниз. Показан округлый глаз с выделенным зрачком, раскрытая пасть, уши выделены, окончания лап подразумевают когти, хвост прижат к туловищу, оканчивается спиральным завитком, обращенным вверх. Датируются серединой VI - началом V вв. до н.э. Лежащие животные – VII-VI вв. до н.э. (Итина, Яблонский 1997, рис. 78).

На основе анализа раннескифских изображений Е.С. Богдановым разработана схема развития основных образов (свернувшегося и припавшего к земле хищника, копытных «на цыпочках»). Автор приходит к выводу о том, что традиция прослеживается в рамках одного региона на базе двух культурных традиций: иньской и карасукской. К VIII в. до н. э. изображения копытных на цыпочках и хищников в канонических позах прослеживаются на

⁴ Приводится фраза П.А. Косинцева из переписки. Пользуясь случаем, благодарим П.А. Косинцева за ценные консультации.

территории Китая и Внутренней Монголии. Такие же изображения фиксируются на оленных камнях и бронзах карасукского облика на территории Монголии, Внутренней Монголии и Минусинской котловины. Несмотря на то, что Е.С. Богданов констатирует преобладание в раннескифских материалах одиночного изолированного образа и отсутствие сюжетных композиций и сцен, где положение животного было бы обусловлено характером действия, новые находки из Центрального Казахстана, видимо, отвергают этот тезис (Богданов 2011, 26).

Изображения травоядных животных на Бухтарминском зеркале, на обломке оленного камня из кургана Аржан и др. относятся, по мнению Е.С. Богданова, к самым ранним изображениям, датируемым IX-VIII вв. до н.э. Для них характерны олени с горбиком, показаны четыре ноги, свисающие вниз, головы подняты вперед и чуть-чуть вверх, глаза круглые большие, рога с одним-двумя передними отростками.

Футляр из Байке-2 более поздний – вероятно, VII в. до н.э., но относится к раннескифскому этапу и демонстрирует наличие композиции и сюжета. Мы видим удивительное сочетание так называемой «загадочной картинке» и присутствие сюжета.

Центральным элементом-образом в композиции является сайгак. Можно отметить для него такие раннескифские художественные приемы, как особо подчеркнутые подтреугольные копыта, вытянутые вниз и чуть вперед ноги, высоко поднятая голова на длинной шее, тип рогов.

Ю.Б. Полидович выделяет для раннескифских/раннесакских изображений три основных типа полнофигурных изображений: 1) с опущенными ногами и прямо поставленной или слегка поднятой головой; 2) с подогнутыми ногами и прямо поставленной, слегка вытянутой вперед, иногда приподнятой головой; 3) с подогнутыми ногами и повернутой назад головой.

Можем сказать, что сайгак на футляре показан с опущенными ногами и со свисающими копытами – это характерно для восточных регионов Евразии в раннесакское время. Специалисты относят к ним изображения оле-

ней на оленных камнях из тувинских курганов Аржан-1 и Аржан-2, Алтая и Монголии. К таковым относятся также изображения на бронзовом зеркале из Бухтармы, на бляшке из могильника Уйгарак, на рукоятке ножа из могильника Сяохэйшигоу и др.

Хронологически они отделяются: Первая группа относится к финалу доскифского – началу раннескифского периода, вторая – ко времени между сооружением тувинских курганов Аржан-1 и Аржан-2, третья соответствует времени сооружения кургана Аржан-2 и последующему периоду (аржано-кичигинский горизонт древностей) (Полидович 2014).

Таковыми же стилистическими приемами показана антилопа с повернутой назад головой. Все животные отличаются удивительной грациозностью.

Разбирая изображения горных козлов раннесакского времени из восточных регионов Евразии, Ю.Б. Полидович относит предмет из Байгетобе (стилистически сходное с центрально-казахстанскими) ко второму культурно-хронологическому горизонту (следующему после Тамды-Уйгарак). Второй культурно-хронологический горизонт – это Биже-Шиликты. Автор синхронизирует его с келермесским «культурным горизонтом» в западной части скифо-сакского мира (Полидович 2010). К этому же горизонту Ю.Б. Полидович относит комплекс кургана №2 могильника Талды-2.

Таким образом, тот набор устойчивых стилистических и композиционных признаков, который выявляется для изображений из Байке-2, находит определенные параллели в восточных регионах скифского мира. По мнению специалистов, эти предметы могут занимать более раннюю позицию по отношению к предметам торевтики из Жалаулинского комплекса и кургана Аржан-2. Так, клювовидные знаки на туловище – более поздний хронологический показатель, характерный для времени Аржана-2.

Помимо предметов мелкой пластики, раннесакские образцы звериного стиля хорошо представлены в петроглифах. Так, канонические образы известны в бестиарии комплекса Ешкиолмес (Жетысу). Среди них можно назвать сцены с изображением кошачьих хищников, припавших к земле; изображение

козла, обладающее всеми раннескифскими признаками (грацильность, вытянутая шея, поднятая голова, подогнутые под туловище ноги с тонкими выделенными копытами, возможно, выступ на плече); раннескифский козлик с «горбиком» на плече; кабаны с опущенной крупной головой и вытянутыми вперед ногами; архары с подогнутыми под туловище ногами, вытянутой шеей и головой, выделены треугольные копыта, изящные ноги (Бейсенов, Марьяшев 2014, 150-151, фото 13, 15, 16, 31, рис. 16 и др.).

Обширная коллекция изображений животных из элитного памятника алды-бельской культуры Аржан-2 разделена К.В. Чугуновым на четыре группы. Из них группу 2 образуют бляхи головных уборов в виде лошадей с подогнутыми ногами и барана из сопроводительной женской могилы. Навершие головного убора в виде стоящего оленя может восходить к наскальному искусству аржано-майэмирского стиля (например, олений камень из Аржана-1) (Чугунов 2004, 274-275). Кошачьи хищники на навершии и перекрестье кинжала из могилы 5, только у них – запятовидные прорезы на бедре и плече, тяготеют к 1 и 4 группам. Изделия группы 1 по стилистическим признакам имеют больше соответствий в искусстве казахстанско-центральноазиатского региона. Предметы, отнесенные к группе, уникальны по технологии изготовления, отчасти по стилю (Чугунов 2004, 275).

Изображения кошачьих хищников рассматриваемого футляра из Байке-2 тяготеют к горизонту Аржан-2. Известный из ранних раскопок Тасмолы-5 предмет с «загадочной картинкой» также демонстрирует присутствие центрального образа. Основным элементом образом в композиции является кабан. Он окружен пятью головами травоядных животных.

Первоначально «загадочные картинки» были выявлены на двух костяных гребнях из могильника Хемчик-Бом-3. На одном из них представлено не менее шести фигур антилопдзеренов, одна из них центральная. Второй гребень из Хемчик-Бом-3 украшен фигуркой лежащего горного козла и головками копытных животных (козлов?).

Трубочки-пронизки с изображениями в стиле «загадочных картинок» известны в памятни-

ках саков Тувы (Богданов 2006, табл. LXXIV). «Загадочные картинки» А.Д. Грач определил как особенность раннекочевнического искусства алды-бельской и саглынской культур Тувы. По мнению специалиста, такие композиции характерны именно для центральноазиатского очага раннескифского искусства (Грач 1980, 78-80).

В литературе утвердилось мнение, что в «загадочных картинках» отсутствует сюжет, мастером двигала боязнь оставить неиспользованным хотя бы небольшой участок. Однако, на наш взгляд, в этих картинках прослеживается некая закономерность, сюжет. Так, в роговой застежке из Тасмола-5, курган 3 мы видим в центре композиции изображение кабана, вокруг него – головы травоядных животных (козлы, олень, всего пять). Изображение кабана – с вытянутыми ногами, сведенными вместе копытами – ранний стилистический признак. На изделии из мог. Аймырлыг-7, сруб 4 – в центре композиции расположено изображение кошачьего хищника (тигр?), вокруг – изображения травоядных (козел, самки – безрогие животные, голова козла, сильно стилизованное изображение лежащей антилопы, всего шесть).

Могильник Аймырлыг-8, сруб 13: изображение кабана, рядом – изображения травоядных, в том числе оленя, две отдельные головы животных, всего пять.

Как видим, сюжет присутствует: в центре располагается изображение хищника либо кабана в окружении травоядных животных. В данном случае хищник и кабан близки в плане семантики как терзатели, как посредники между мирами.

В мифологическом наполнении раннесакские «загадочные картинки» могут рассматриваться как вариант или прообраз сцен терзания хищником травоядного животного. Так, например, известные бляшки с геральдической композицией – птица и два козла – тоже характерны для раннесакского искусства (Жалаулы, Талды-2, Шиликты), идея украшения выражена подобранными образами животных и организацией композиции. Позже, вероятно, подобные композиции – организация пространства – не встречаются. Также и в «загадочных картинках» – идея противостояния

копытных и хищников, терзания жертвы выражена определенным способом. Показано их противопоставление: нападающие или готовые напасть хищники традиционно агрессивны; копытные – смиренные, жертвенные животные. Это состояние, роль красноречиво выражается определенными художественными приемами, их позой: на «пуантах», с повернутой назад головой, с вывернутым крупом, с подогнутыми под туловище ногами.

В материалах Аржана-2 «загадочные картинки», выполненные в золоте, декорируют портупейные бляхи акинака и кинжала, золотую модель котелка.

Декор модели котла из Аржана-2 с полным заполнением поля изображениями баранов можно принять в качестве варианта загадочных картинок. Вся внешняя поверхность предмета покрыта рельефным орнаментом. Бестиарий вписывается в сюжет «загадочных картинок»: спиралевидные линии в виде сильно стилизованных изображений хищных птиц составляют изображения пяти баранов и одного кошачьего хищника. Головы и рога баранов проработаны четко, тела обозначены спиральями (Čugunov, Parzinger, Nagler 2010, Taf. 63/1b). На одного из баранов нападает спереди кошачий хищник.

Шпилька с навершием в виде полушаровидной головки; золото. Поверхность стержня украшена рельефным орнаментом (Čugunov, Parzinger, Nagler 2010, Taf. 55; 74/1). Декор представляет собой фриз с изображениями животных: коза, зебу, коза, дикий кабан, олень, коза, зебу, лошадь, баран, олень, кошачий хищник, коза, олень, дикий кабан, верблюд, олень; над фризом, а также под ним и между отдельными изображениями, изображены головы не поддающихся определению животных, возможно, копытных, может быть, козла и кабана. Эта находка дополняет связи, выявленные по найденным в Талды-2 пронизкам и т. д.

Петлевидные, орнаментированные с двух сторон обоймы от ремня кинжала; золото (Čugunov, Parzinger, Nagler 2010, Taf. 13/5-7; 39/5). Рельеф состоит из изображений кошачьего хищника, терзающего козу спереди. На передней стороне обойм расположены головы животных, на обратной стороне – касающиеся друг друга задние части тела.

Декоративная пластина на окончании ножен; золото (Čugunov, Parzinger, Nagler 2010, Taf. 13/8, 9; 39/7). Лицевая сторона пластины украшена тесно примыкающими друг к другу фигурками животных: согнувшийся кошачий хищник, копытное животное с повернутой назад головой (оленуха?), козел в позе прыжка, еще один согнувшийся кошачий хищник, копытное (оленуха?) с поднятой и слегка закинутой назад головой, дикий кабан с подогнутыми конечностями, баран в позе прыжка с повернутой на 180° задней частью тела, а также трудно распознаваемое животное (кошачий хищник или оленуха?) в скорченном положении.

По сути, это те же загадочные картинки, здесь представлены те же образы, бестиарий и стилистика.

Проанализировав предметы искусства из Аржана-2, К.В. Чугунов также справедливо отмечает, что в коллекции находок из кургана представлены «загадочные картинки» (Чугунов 2004). Несомненно, основная идея, проходящая красной нитью через искусство саков – оппозиция хищника и травоядного – является сюжетом, идеей «загадочных картинок».

Таким образом, мы видим различную организацию композиции, различные иконографические варианты, примененные при создании «загадочных картинок».

Д.Г. Савинов справедливо отмечает, что «загадочные картинки» считаются специфическими для центрально-азиатского очага раннескифского искусства. Их объединяет общий изобразительный прием и то, что все мелкие изображения группируются вокруг основного, одного центрального изображения. По мнению Д.Г. Савинова: «Вполне вероятно, что это различные формы выражения одной и той же мифологемы...» (Савинов 2012, 52).

Важно, что Д.Г. Савинов приходит к выводу о ведущей роли казахстанско-среднеазиатского региона в формировании раннескифского искусства (Савинов 2012, 51-53).

Новая находка из Центрального Казахстана, вероятно, подтверждает это предположение, учитывая наш вывод о датировке Байке-2 более ранним периодом, чем Аржан-2 – первая половина VII в. до н.э. Анализ материалов из

погребально-поминального комплекса Аржан-2 позволил К.В. Чугунову наметить два основных направления культурных контактов Тувы в раннесакское время – юго-восточное и западное (Чугунов 2011). Помимо общего направления контактов, встает вопрос о векторе этих связей. В целом новая находка, возмож-

но, дополняет круг памятников с территории Казахстана, относящихся к наиболее раннему пласту древних кочевников наряду с Шиликты и Бешшатыром. Они демонстрируют сложившееся искусство (Шиликты, Байке-2). В то же время мы понимаем некоторую условность вывода о датировке Байке-2.

Библиография

- Бейсенов 2014а:** А.З. Бейсенов, Древние сокровища Сарыарки, книга-альбом на каз., рус. и англ. яз. (Алматы 2014).
- Бейсенов 2014б:** А.З. Бейсенов, Поселения раннесакского времени Центрального Казахстана. В сб.: Записки ИИМК, №9 (Санкт-Петербург 2014), 92-102.
- Бейсенов 2015а:** А.З. Бейсенов, Центральный Казахстан в раннем железном веке. В сб.: Историческая и социально-образовательная мысль, т. 7, №6, ч. 2. (Краснодар 2015), 22-31.
- Бейсенов 2015б:** А.З. Бейсенов, Поселения и могильники сакской эпохи Центрального Казахстана. В сб.: Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии. Сб. статей, посвящ. памяти археолога К.А. Акишева (Алматы 2015), 11-38.
- Бейсенов, Базарбаева 2013:** А.З. Бейсенов, Г.А. Базарбаева, Искусство древних кочевников Центрального Казахстана: образы, сюжеты, композиции. В сб.: Вестник ЮУрГУ. Сер. Социально-гуманит. науки, т. 13, №2 (Челябинск 2013), 12-17.
- Бейсенов, Джумабекова, Базарбаева 2011:** А.З. Бейсенов, Г.С. Джумабекова, Г.А. Базарбаева, Мир образов в искусстве населения Сарыарки (по материалам памятников 1 тыс. до н. э.). В сб.: Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы. Сб. матер. междунар. научн. конф., посвящ. 20-летию независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана, т. 2 (Алматы 2011), 261-273.
- Бейсенов, Джумабекова, Базарбаева 2015:** А.З. Бейсенов, Г.С. Джумабекова, Г.А. Базарбаева, Изучение памятников тасмолинской культуры в Западной Сарыарке. В сб.: Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований. Сб. статей, посвящ. 70-летию Ю.Ф. Кирюшина (Барнаул 2015), 294-297.
- Бейсенов, Дуйсенбай 2015:** А.З. Бейсенов, Д.Б. Дуйсенбай, Исследования на могильнике Байке-2. В сб.: Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии. Сб. статей, посвящ. памяти археолога К.А. Акишева (Алматы 2015), 71-76.
- Бейсенов, Ермоленко 2014:** А.З. Бейсенов, Л.Н. Ермоленко, Новые каменные изваяния сакского времени из Сарыарки. В сб.: Вестник КемГУ, №3 (59), т. 3 (Кемерово 2014), 36-40.
- Бейсенов и др. 2015:** А.З. Бейсенов, А.О. Исмагулова, Е.П. Китов, А.О. Китова, Население Центрального Казахстана в 1 тыс. до н.э. (Алматы 2015).
- Бейсенов, Китов 2014:** А.З. Бейсенов, Е.П. Китов, Могильник тасмолинской культуры Талды II в Центральном Казахстане (краниологический анализ). В сб.: Вестник Волгоградского госуниверситета, сер. 4, История, №4 (28) (Волгоград 2014), 71-85.
- Бейсенов, Марьяшев 2014:** А.З. Бейсенов, А.Н. Марьяшев, Петроглифы раннего железного века Жетысу (Алматы 2014).
- Бейсенов и др. 2011:** А.З. Бейсенов, А.Д. Таиров, В.В. Зайков, И.А. Блинов, Состав золотых изделий из могильника Талды-2. В сб.: Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии. Тезисы докладов Круглого стола, посвящ. 20-летию независимости Республики Казахстан (Караганды 2011), 21-25.
- Богданов 2006:** Е.С. Богданов, Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии (скифо-сибирская художественная традиция) (Новосибирск 2006).
- Богданов 2011:** Е.С. Богданов, Образы свернувшегося и припавшего к земле хищника, оленя «на цыпочках» в контексте зарождения скифо-сибирского искусства. В сб.: «Terra Scythica». Материалы междунар. симпозиума «Terra Scythica» (17-23 августа 2011 года, Денисова пещера, Горный Алтай) (Новосибирск 2011), 23-28.
- Грач 1980:** А.Д. Грач, Древние кочевники в центре Азии (Москва 1980).

- Итина, Яблонский 1997:** М.А. Итина, Л.Т. Яблонский, Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен) (Москва 1997).
- Кадырбаев 1966:** М.К. Кадырбаев, Памятники тасмолинской культуры. В кн.: А.Х. Маргулан, К.А. Акишев, М.К. Кадырбаев, А.М. Оразбаев, Древняя культура Центрального Казахстана (Алма-Ата 1966), 303-433.
- Кадырбаев 1968:** М.К. Кадырбаев, Некоторые итоги и перспективы изучения археологии раннего железного века Казахстана. В сб.: Новое в археологии Казахстана (Алма-Ата 1968), 21-36.
- Полидович 2010:** Ю.Б. Полидович, Предметы торевтики из кургана Байгетобе (Восточный Казахстан): на стыке восточных и западных традиций. В сб.: Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии (Барнаул 2010), 148-151.
- Полидович 2011:** Ю.Б. Полидович, Изображения таутеке на навершиях из комплекса Биже (Жетысу) в контексте раннесакского «звериного стиля». В сб.: Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии. Тезисы докладов междунар. Круглого стола, посвящ. 20-летию независимости Республики Казахстан (23-25 ноября 2011 года) (Караганды 2011), 123-130.
- Полидович 2014:** Ю.Б. Полидович, Основные группы изображений оленей раннескифского времени (из восточных регионов Евразии). В сб.: Архаическое и традиционное искусство: проблемы научной и художественной интерпретации. Материалы Всероссийской (с международным участием) научн. конф. (12-14 ноября 2014 года) (Новосибирск 2014), 73-76.
- Савинов 2012:** Д.Г. Савинов, Изобразительные памятники раннескифского времени: искусство композиции. В сб.: Изобразительные и технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии. Труды САИПИ, вып. IX. (Москва-Кемерово 2012), 35-55.
- Таиров 2007:** А.Д. Таиров, Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII-VI вв. до н. э. (Челябинск 2007).
- Хабдулина 1994:** М.К. Хабдулина, Степное Приишимье в эпоху раннего железа (Алматы 1994).
- Чугунов 2004:** К.В. Чугунов, Звериный стиль кургана Аржан-2: к постановке проблемы. В сб.: Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции. Материалы тематич. научн. конф. (1-4 декабря 2004 года) (Санкт-Петербург 2004), 273-276.
- Чугунов 2011:** К.В. Чугунов, Культурные связи населения Тувы в раннескифское время (по материалам кургана Аржан-2). В сб.: Маргулановские чтения – 2011. Материалы международной археол. конф. (20-22 апреля 2011 года) (Астана 2011), 177-182.
- Bejzenov 2013:** A. Bejzenov, Die nekropole Taldy-2 in beziehung zu den kulturen der fruhsakischen zeit osteurasien. In: (Ed. Z. Samashev, Th. Stoellner) Unbekanntes Kasachstan. Archäologie im Herzen Asiens, t. II [Catalogue of the exhibition] (Bochum 2013), 595-608.
- Beisenov 2015a:** A. Beisenov, Studies of the Saka settlements in the East part of the Central Kazakhstan. In: Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований. Сб. статей, посвящ. 70-летию Ю.Ф. Кирюшина (Барнаул 2015), 289-293.
- Beisenov 2015b:** A. Beisenov, Monuments of Tasmola culture of Central Kazakhstan. In: Ancient cultures of the northern area of China, Mongolia and Baikalian Siberia (Huhhot 2015), 258-266.
- Beisenov et al. 2016:** A.Z. Beisenov, S.V. Svyatko, A.E. Kassenalin, K.A. Zhambulatov, D. Duisenbai, P.J. Reimer, First Radiocarbon Chronology for the Early Iron Age Sites of Central Kazakhstan (Tasmola Culture and Korgantas Period). In: Radiocarbon, 58 (Arizona 2016), 179-191. doi: 10.1017/RDC.2015.18.
- Čugunov, Parzinger, Nagler 2010:** K.V. Čugunov, H. Parzinger, A. Nagler, Der skythenzeitliche Fürstenkurgan Aržan 2 in Tuva. Archäologie in Eurasien, 26. Steppenvölker Eurasiens, 3 (Mainz 2010).

O cutie din os descoperită în tumulul culturii Tasmola (Kazahstanul Central)

Cuvinte-cheie: Kazahstanul Central, cultura Tasmola, saci, cutie din os, decor zoomorf.

Rezumat: În articol este analizată o cutie din os, descoperită în tumulul 7 al necropolei Baike-2, studiată sub conducerea lui A. Beisenov în anul 2015. Situl, atribuit culturii Tasmola, se află în localitatea montană Karakuys (r-nul Karkaraly, regiunea Karagandy), situată la 14 km sud-sud-est de satul Nurken.

Pe cutia din os pot fi urmărite imaginile a 16 animale și a semnelor viforului. Judecând după caracterul decorului, piesa poate fi încadrată în perioada scitică timpurie și datată în sec. VII a. Chr. Conform particularităților stilistice și ale compoziției decorul piesa de la Baike-2 are anumite analogii în spațiul estic al lumii scitice. Această descoperire completează numărul de situri de pe teritoriul Kazahstanului care, deopotrivă cu cele de la Shilikty și Besshatyr, pot fi atribuite orizontului timpuriu al comunităților nomade preistorice.

Lista ilustrațiilor:

Fig. 1. Localizarea sitului Baike-2 în raport cu localitățile Astana, Karagandy, Karkaraly, Balkhash (după D. Duisenbai).

Fig. 2. Planul necropolei Baike-2 (după Beisenov, Duisenbai 2015).

Fig. 3. Necropola Baike-2. Cutia din os. În prim-plan compoziția centrală, constituită din imaginile unei saiga și a trei animale de pradă (foto D. Duisenbai).

Fig. 4. Necropola Baike-2. Cutia din os. În stânga imaginea unei ciute, în dreapta – iepure (?), în mijloc – o buclă în formă de vârtej (foto D. Duisenbai).

Fig. 5. Necropola Baike-2. Cutia din os (foto D. Duisenbai).

A find of a bone case in the Tasmola culture kurgan (Central Kazakhstan)

Keywords: Central Kazakhstan, Tasmola culture, Saka, bone case, zoomorphic decoration.

Abstract: This article discusses the bone case from the kurgan 7 of the Baike-2 cemetery excavated in 2015 under the direction of A. Z. Beisenov. The site is located in the Karakuiys mountainous area (Karkaraly district, the Karagandy region), 14 km to the south-southeast from the village of Nurken, and belongs to the Tasmola archaeological culture of the Saka time.

The bone case bears the images of 16 animals and one vortex sign. Based on the features of the décor, it is possible to attribute the case to the early Scythian stage? and date it to the 7th century BC. The images on the find from the Baike-2 cemetery display a number of stylistic and compositional characteristics that have certain parallels in the eastern regions of the Scythian world. This new discovery may complement the series of artifacts from the territory of Kazakhstan that, along with ones from Shilikty and Besshatyr, belongs to the earliest layer of the ancient nomadic culture.

List of illustrations:

Fig. 1. Localization of the Baike-2 kurgan cemetery in relation to the settlements of Astana, Karagandy, Karkaraly, Balkhash (by D. Duisenbai).

Fig. 2. Situation plan of the Baike-2 kurgan cemetery (after Beisenov, Duisenbai 2015).

Fig. 3. Bone case from the Baike-2. Composition depicting one saiga and three predators in the center of the foreground (photo by D. Duisenbai).

Fig. 4. Bone case from the Baike-2 kurgan cemetery. On the left – doe, on the right – hare (?), in the middle – whirl sign (photo by D. Duisenbai).

Fig. 5. Bone case from the Baike-2 kurgan cemetery (photo by D. Duisenbai).

06.10.2016

Др. Арман Бейсенов, Отдел первобытной археологии, Институт археологии им. А.Х. Маргулана Комитета науки МОН РК, пр. Достык, 44, 050100 Алматы, Казахстан, e-mail: azbeisenov@mail.ru

Др. Гульнара Джумабекова, Отдел первобытной археологии, Институт археологии им. А.Х. Маргулана Комитета науки МОН РК, пр. Достык, 44, 050100 Алматы, Казахстан, e-mail: gdzhuma@mail.ru

Др. Галия Базарбаева, Отдел первобытной археологии, Институт археологии им. А.Х. Маргулана Комитета науки МОН РК, пр. Достык, 44, 050100 Алматы, Казахстан, e-mail: galiya2002@gmail.com

Данияр Дуйсенбай, Отдел первобытной археологии, Институт археологии им. А.Х. Маргулана Комитета науки МОН РК, пр. Достык, 44, 050100 Алматы, Казахстан, e-mail: daniar_db88@mail.ru